

Насонов С.А., Максимова Т.Ю.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ПРОТИВ СЕБЯ САМОГО: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В ОБЩЕМ ПОРЯДКЕ И В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о процессуальных гарантиях права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого при рассмотрении уголовного дела в общем порядке и в суде с участием присяжных заседателей. В публикации раскрываются конституционно-правовые и международно-правовые основы этого права, анализируются основные позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Авторы отмечают, что указанное право распространяется на любые сведения, исходящие от обвиняемого, независимо от их инкриминирующего значения. При этом указанное право обвиняемого не препятствует производству в отношении него тех следственных действий, где от него не требуется вербальной или невербальной активности. Особое внимание авторы статьи уделяют анализу судебной практики, в которой доказательства, полученные с нарушением указанного права (протоколы проверки показаний на месте, очных ставок), признаются допустимыми. В статье выявляются предпосылки такого подхода, и подчеркивается его несоответствие Конституции РФ и положениям УПК РФ. Применительно к производству в суде присяжных авторами подчеркивается значимость полного и точного разъяснения присяжным заседателям председательствующим значения права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого. Авторы приходят к выводу, что только соблюдение всех уголовно-процессуальных гарантий права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого наполняет это право реальным содержанием.

Ключевые слова: Процессуальные гарантии, обвиняемый, свидетельствовать против себя, уголовное дело, Европейский Суд, Конституционный Суд РФ, доказательства, судебная практика, очная ставка, суд присяжных.

Abstract: This article examines the issue of procedural guarantees of defendant's right to not testify against themselves. The article reveals the constitutional and international legal basis for this right, and analyzes the key positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. The authors note that the aforementioned right covers all statements made by the defendant regardless of their incriminating nature. A special attention is given to the analysis of the legal precedent, where the evidence acquired in violation of this right (protocols of verification of statements on the scene, confrontational questioning) are still deemed admissible. The work determines the prerequisites for such approach and underlines its contradictions with the Constitution of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Particularly during the trial by jury, it is important to explain the full and precise meaning to the jurors of the right of the defendant to not testify against themselves.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, European Court, criminal case, self-incrimination, accused, procedural guarantees, evidence, judicial practice, confrontation, trial by jury.

Статья 51 Конституции РФ устанавливает право не свидетельствовать против себя самого, супруга и близких родственников, при этом «право каждого не свидетельствовать против себя самого, как и право не быть обязанным доказывать свою невиновность и считаться невиновным

до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке, в силу статьи 18 Конституции Российской Федерации являются непосредственно действующими и должны обеспечиваться, в том числе правоприменителем – на основе закрепленного в статье 15 (часть 1) Конституции

Российской Федерации требования о прямом действии конституционных норм» [6].

Приведенное положение Конституции РФ соответствует общепризнанному принципу, закрепленному в ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, который гласит: «Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным».

Европейский Суд неоднократно связывал реализацию права не свидетельствовать против самого себя с правом каждого «считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом» (пункт 2 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В постановлении по делу Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства отмечается, что право на молчание «тесно связано с презумпцией невиновности», поскольку «это право способствует тому, чтобы обвинение не прибегало к доказательствам, добытым вопреки воле обвиняемого с помощью принуждения или давления» [10]. Право хранить молчание является *юридическим препятствием* для отношения обвинительной власти к обвиняемому как к лицу, виновному в совершении преступления (ведь понуждение обвиняемого к самообвинению выдает предубеждение обвинительных органов в виновности этого лица).

В особом мнении судей Куриса и Мартенса по указанному делу высказана точка зрения о тесной взаимосвязи права хранить молчание и принципа уважения достоинства и свободы человека. Этот принцип требует, чтобы «каждый подозреваемый был совершенно свободен решать, какую позицию он займет в отношении предъявленных ему обвинений» [10].

Европейский Суд признает право не свидетельствовать против себя нарушенным, если власти государства используют уловки или давление для получения инкриминирующих обвиняемого заявлений. Так, в решении по делу «Аллан (Allan) против Соединенного Королевства» заявитель содержался в предварительном заключении и отказывался давать показания на допросах. Агент полиции Х. был помещен в камеру заявителя с целью *вытягивания* из него информации. Европейский Суд указал, что признания, якобы сделанные Х., не были спонтанными и самопроизвольными, а были получены при настойчивых расспросах Х., который при подстрекательстве полиции проводил их при обстоятельствах, которые могли рассматриваться как функционально равнозначные допросу, проводившемуся без соблюдения

процессуальных гарантий, присущих формальному полицейскому допросу. Европейский суд пришел к выводу, что заявитель подвергался психологическому давлению, которое нарушает добровольную природу признания. В данных обстоятельствах информация, добытая благодаря использованию Х., может рассматриваться как полученная вопреки воле обвиняемого, а принятие ее во внимание в ходе разбирательства дела нарушило право заявителя хранить молчание и привилегию против самообвинения [7].

Анализируя сферу действия рассматриваемого права, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что закрепление в Конституции Российской Федерации права не свидетельствовать против себя самого «... не исключает возможности проведения – независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, – различных процессуальных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу» [4].

Представляется, что данную позицию следует трактовать исходя из *двух концептуально значимых* процессуальных гарантий рассматриваемого права:

Во-первых, право обвиняемого хранить молчание распространяется на *любую информацию*, которая может исходить от обвиняемого, независимо от ее содержания.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, право обвиняемого не свидетельствовать против себя, распространяется не только на дачу показаний в рамках допроса, но и иные следственные действия, результатом которых является получение доказательств. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-П указано, что данное конституционное право предполагает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления органам дознания и следователю других доказательств.

Аналогичного подхода придерживается и Европейский Суд по правам человека. Так, по делу Саундерс против Соединенного Королевства правительство настаивало на том, что пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не был нарушен, т.к. «из сказанного заявителем в ходе опросов ничто не носило характера самообвинения, ... он давал лишь пояснения, свидетельствующие в его пользу... Только показания, свидетельствующие против обвиняемого, подпадают под действие привилегии» [10, с. 327]. Европейский Суд

признал этот аргумент несостоятельным и подчеркнул, что «право не свидетельствовать против себя не может быть разумно ограничено лишь признанием в совершении правонарушения или показаниями, прямо носящими инкриминирующий характер». Суд отметил, что «свидетельские показания, полученные с помощью принуждения, которые внешне не выглядят инкриминирующими – ...оправдательные замечания или просто информация по фактам – могут быть в последующем развернуты в ходе уголовного процесса в поддержку обвинения, например, чтобы противопоставить их другим заявлениям подсудимого или подвергнуть сомнению свидетельские показания ... или иным образом подорвать доверие к нему» [10, с. 328].

Во-вторых, право обвиняемого не свидетельствовать против самого себя не препятствует производству в отношении него лишь тех следственных действий, где от него *не требуется вербальной или невербальной активности*.

В решении по делу Саундерса Европейский Суд сформулировал позицию, состоящую в том, что право обвиняемого хранить молчание «не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли принудительным путем, как-то *inter alia* : изъятие по предписанию документов, получение образцов крови ... и кожного покрова для проведения анализа ДНК» [10, с. 328].

Вместе с тем, в судебной практике возникла острая проблема судебной оценки доказательств обвинения, полученных с нарушением указанных процессуальных гарантий.

Так, по делу Л. обвиняемая на первоначальном этапе расследования, давала показания по делу в качестве обвиняемой. Однако в дальнейшем Л. решила воспользоваться своим правом, предусмотренным п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и отказалась от дальнейшей дачи показаний по уголовному делу.

Согласно ч. 4 ст. 173 УПК РФ повторный допрос обвиняемого, отказавшегося от дачи показаний, допускается только по просьбе самого обвиняемого.

Несмотря на указанное положение УПК РФ, следователем была проведена проверка показаний на месте с участием обвиняемой Л., протокол которой в качестве доказательства был приобщен к материалам настоящего уголовного дела. Аналогичным образом, следователь провел очные ставки обвиняемой Л. с обвиняемым П. и свидетелем И. Все полученные доказательства были признаны судом допустимыми, доводы защиты о нарушении права обвиняемой не свидетельствовать против себя были отвергнуты [14].

Подобная практика является распространенной в настоящее время. Если суд констатирует, что в указанных следственных действиях принимал участие защитник обвиняемого, то нарушение ч. 4 ст. 173 УПК РФ, как правило, игнорируется.

Так судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда в решении от 02.09.2014 по делу № 22-5241/14 сочла, что отсутствие заявления обвиняемого о повторном допросе не является нарушением, поскольку «в самом протоколе допроса обвиняемого... [он] указал, что желает давать показания и не отказывается от них». В постановлении судьи Еврейской автономной области от 22.07.2013 по делу № 4-А-45/2013 указано: то, что обвиняемый отказался от дачи показаний, «никоим образом не препятствует следователю вызывать подследственного, равно как и не освобождает последнего от обязанности явиться по вызову в назначенной срок». В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 07.05.2013 N 22-1691/13 также отмечено отсутствие нарушений в повторном допросе без заявления обвиняемого, так как он «...давал показания добровольно в присутствии защитника» [1, с. 105-106].

Представляется, что подобная практика является *существенным нарушением* процессуальной гарантии права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого, закрепленной в ч. 4 ст. 173 УПК РФ.

Запрет повторного допроса обвиняемого, на наш взгляд, *исключает* производство в отношении него как проверки показаний на месте, так и очной ставки, если от самого обвиняемого не поступило ходатайство о дополнительном допросе.

По смыслу положений статьи 194 УПК РФ, проверка показаний на месте представляет собой *дачу показаний обвиняемым в определенном месте* и совершение определенных действий для уточнения (проверки) показаний, данных ранее. Так, согласно ч.ч. 3,4 ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте включает в себя свободный рассказ обвиняемого, демонстрацию действий и ответы на вопросы следователя.

Согласно ч. 4 ст. 194 УПК РФ само начало проверки показаний на месте обусловлено дачей обвиняемым определенных показаний – «проверка показаний на месте начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться». Таким образом, проверка показаний на месте не может производиться, если обвиняемый отказался от дальнейшей дачи показаний при производстве предварительного расследования.

Запрет повторного допроса обвиняемого, закрепленный в ч. 4 ст. 173 УПК РФ в полной мере распространяется и на очную ставку.

Правила производства очной ставки, закрепленные в ст. 192 УПК РФ, позволяют сделать вывод о том, что очная ставка является *одновременным допросом* ранее допрошенных лиц, который производится в случаях, если в их показаниях имеются существенные противоречия.

О том, что очная ставка по своей сущности является разновидностью допроса, не раз отмечалось в научной литературе [2].

Б.С. Тетерин и Е.З. Трошкин определяли очную ставку как «одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц» [13, с. 78-81].

По мнению В.М. Савицкого и А.М. Ларина, очная ставка – это следственное и судебное действие, представляющее собой попеременный допрос двух ранее допрошенных лиц из числа обвиняемых, подозреваемых, свидетелей, потерпевших в самых разных комбинациях» [12, с. 103].

Н.И. Порубов подчеркивал, что очная ставка представляет собой «...особую разновидность допроса, одновременный допрос двух лиц» [11, с. 153].

Кроме того, очную ставку в качестве разновидности допроса рассматривает и Верховный Суд РФ [5].

Следовательно, проведение проверки показаний на месте и очной ставки в ситуации, когда обвиняемый отказывается от дачи показаний, нарушают его право не свидетельствовать против себя самого, что должно влечь признание показаний, закрепленных в протоколах указанных следственных действий, недопустимыми доказательствами в соответствии с требованиями статьи 75 УПК РФ и ч. 2 ст. 50 Конституции РФ. Именно такие решения, на наш взгляд, должны принимать судьи, в случае выявления в судебном заседании нарушения гарантии, закрепленной в ч. 4 ст. 173 УПК РФ.

В суде с участием присяжных, существенной уголовно-процессуальной гарантией реализации обвиняемым права не свидетельствовать против себя является *корректное разъяснение* присяжным заседателям конституционной сущности этого права. Специфика правовой природы суда присяжных, обусловленная наличием в составе суда коллегии непрофессиональных судей, делает процедуру подобного разъяснения решающей для обеспечения справедливости всего судебного производства.

Европейский Суд неоднократно отмечал особое значение тщательного разъяснения коллегии присяжных рассматриваемого права обвиняемого для признания судебного разбирательства справедливым.

Так, например, в постановлениях по делу Кондрон (Condron) против Соединенного Королевства от 2 мая 2000 г. [9] и по делу Бэкклз (Beckles) против Соединенного Королевства от 8 октября 2002 г. [8].

Европейский Суд связал соблюдение права на справедливое судебное разбирательство в суде присяжных, с адекватным разъяснением председательствующим судьей присяжным заседателям в напутственном слове правила о том, что «...молчание заявителя неразумно было бы толковать как отсутствие объяснений вообще, что из факта отказа дать показания не следует делать неблагоприятные для обвиняемого выводы» [8].

Часть 3 статьи 340 УПК РФ обязывает председательствующего дать присяжным специальное разъяснение того, что отказ подсудимого от дачи показаний или его молчание в суде не имеют юридического значения и не могут быть истолкованы как свидетельство виновности подсудимого.

Анализ судебной практики свидетельствует, что данное положение закона буквально воспроизводится председательствующими в напутственном слове.

Вместе с тем, спорным является, встречающееся на практике, разъяснение присяжным (в особенности, перед разъяснением остальных правил оценки доказательств), что отказ подсудимого от дачи показаний, это – лишь *форма его защиты от обвинения*, обусловленная желанием избежать уголовной ответственности. В качестве примера такого разъяснения можно привести следующий фрагмент напутствия: «Для любого человека естественно стремление опровергнуть предъявленные ему претензии. Тем более это естественно для человека, которому предъявлено обвинение в преступлении. Одним из способов защиты от обвинения в преступлении является дача показаний как в ходе предварительного следствия, так и в суде. Однако позиция защиты обвиняемого при этом может быть различной. Обвиняемый в разные периоды производства по уголовному делу может сообщать полные сведения о фактах, которые имели место в действительности, *может в целях уменьшения степени своей вины умалчивать или исказить одни факты* и сообщать лишь о тех фактах, о которых стало известно от других лиц, может отрицать те факты, о которых говорят другие лица. Все это является лишь одним из способов реализации им своего права на защиту» [3, с. 95].

Такое разъяснение не может не вызывать критического отношения. Безусловно, присяжные заседатели должны учитывать наличие у подсудимого наиболее существенного интереса к исходу дела, его юридическую безответственность за содержание сво-

их показаний, однако связывать отказ подсудимого от дачи показаний с целью *уменьшения своей вины*, на наш взгляд, недопустимо. Это искажает правовое значение рассматриваемой конституционной гарантии права подсудимого не свидетельствовать против себя самого, создает установку присяжным заседателям относиться к подсудимому с недоверием. Представляется, что Верховный Суд РФ должен

корректировать подобную практику, исключая возможность подобных разъяснений рассматриваемого права присяжным заседателям.

Таким образом, только соблюдение всех уголовно-процессуальных гарантий права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого наполняет это право реальным содержанием и обеспечивает его реализацию в уголовном судопроизводстве.

Библиография:

1. Аснис А.Я., Кравченко Д.В. О некоторых вопросах, связанных с конституционным правом не свидетельствовать против себя, в российской уголовной правоприменительной практике // Вестник адвокатской палаты Кировской области. 2015. № 6.
2. Земцова А.В. Способ получения свидетельских показаний как условие их допустимости // Российский следователь. 2009. № 21.
3. Насонов С.А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М.: Р. Валент, 2006.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2004 г. № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части 4 статьи 46 и пункта 3 части 4 статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 3 июня 2005 г. N 82-о05-13 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. N 6-П // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 5 ноября 2002 г. по делу «Аллан (Allan) против Соединенного Королевства» (жалоба N 48539/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2003. N 4.
8. Постановление ЕСПЧ по делу «Бэкклз против Соединенного Королевства» (Beckles v. the United Kingdom) от 8 октября 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление ЕСПЧ по делу «Кондрон против Соединенного Королевства» (Condron v. the United Kingdom) от 2 мая 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление ЕСПЧ по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (Saunders v. United Kingdom) от 17 декабря 1996 г. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.2. М., 2000.
11. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1998.
12. Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. М., 1999.
13. Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1997.
14. Уголовное дело № 1-243/2015. Архив Таганского районного суда г. Москвы.

References (transliterated):

1. Asnis A.Ya., Kravchenko D.V. O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s konstitutsionnym pravom ne svidetel'stvovat' protiv sebya, v rossiiskoi ugovnoyi pravoprimeritel'noi praktike // Vestnik advokatskoi palaty Kirovskoi oblasti. 2015. № 6.
2. Zemtsova A.V. Sposob polucheniya svidetel'skikh pokazanii kak uslovie ikh dopustimosti // Rossiiskii sledovatel'. 2009. № 21.
3. Nasonov S.A. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushchego v sude prisyazhnykh. M.: R. Valent, 2006.
4. Porubov N.I. Taktika doprosa na predvaritel'nom sledstvii. M., 1998.
5. Savitskii V.M., Larin A.M. Ugolovnyi protsess: Slovar'-spravochnik. M., 1999.
6. Teterin B.S., Troshkin E.Z. Vozbuzhdenie i rassledovanie ugovolnykh del. M., 1997.